

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕКС СТАУТ

Только через
мой труп

•

Завещание

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Только через
мой труп

ГЛАВА 1

В дверь позвонили. Я вышел в прихожую и, открыв дверь, увидел незнакомую девушку. Я поздоровался.

— Пжалста, — сказала девушка, — мне бы пови-
дать мистура Ниро Вулфа.

Может, она произнесла не «пжалста», а «пажалу-
ста» или «пажалста». Как бы то ни было, говор ее да-
же отдаленно не напоминал речь Среднего Запада или
Новой Англии, не говоря уже о Парк-авеню и тем бо-
лее Ист-Сайде. Само собой, такое явно не американ-
ское произношение несколько резало мне слух. Тем не
менее я вежливо пригласил ее войти, провел в кабинет
и, усадив в кресло, с трудом выудил из нее имя — при-
шлось спрашивать его по буквам.

— До одиннадцати часов мистер Вулф занят, — со-
общил я, попутно бросив взгляд на настенные часы над
моим письменным столом. Часы показывали поло-
вину одиннадцатого. — Я Арчи Гудвин, личный секре-
тарь и помощник мистера Вулфа. Чтобы не терять
времени даром, вы можете начать...

Она покачала головой и заявила, что время у нее
есть. И я предложил ей полистать журнал или кни-
гу, но она снова отказалась. Тогда я оставил ее в по-
кое и вернулся к прерванному занятию: до ее прихода

я сидел за столом, приводя в порядок картотеку скрещивания орхидей, которую успел изрядно запустить. Минут пять спустя, уже заканчивая работу, я услышал за спиной голос:

— Впрочем, пожалуй, я и впрямь не откажусь от какой-нибудь книжки. Можно?

Я указал посетительнице на книжные полки, предоставив самой выбирать по своему вкусу, и вернулся к прерванному занятию. Когда, минутой спустя, я снова поднял глаза, она уже с книгой в руках стояла около меня.

— Мистур Вулф читает ее? — спросила она.

Ее тихий и низкий голос звучал бы вполне даже приятно, потрудись она выучить, как правильно произносить слова. Я взглянул на корешок и ответил, что в свое время Вулф эту книгу уже прочитал.

— Но он ее стадирует?

— С какой стати? Он же гений, а гению вовсе не пристало что-либо штудировать.

— Ему достаточно прочитать книгу один раз, чтобы все усвоить?

— Совершенно верно.

Девушка направилась к своему креслу, но вдруг обернулась:

— Может, вы ее читаете?

— Нет! — отрезал я.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Что, история Балкан для вас слишком сложна?

— Не знаю, никогда ею не занимался. Насколько мне известно, всех королей и королев там убивают как мух. А про убийства мне куда интереснее читать в газете.

Улыбка мигом исчезла. Посетительница опустилась в кресло и, похоже, целиком погрузилась в чтение.

Я закончил возиться с карточками, аккуратно сложил их в стопку и отчалил в оранжерею. Преодолев два пролета покрытой ковровой дорожкой лестницы, я забрался на последний этаж, а оттуда вскарабкался по крутым ступенькам под самую крышу. Вся оранжерея, кроме питомника и каморки, в которой спал Хорстман, была застеклена. Протопав через первых два помещения между серебристыми стеллажами и бетонными скамьями, уставленными десятью тысячами цветочных горшков, в которых чего только не было, от нежной рассады до одонтоглоссумов и дендробиумов в полном цвету, я отыскал Ниро Вулфа в термальной. Уперев в бока большие пальцы и насупившись, он смотрел на Хорстмана, который, в свою очередь, хмуро и укоризненно пялился на огромный цветок целогины с белыми лепестками и оранжевой губой. Вулф бормотал:

— Целых две недели коту под хвост. Ну по крайней мере двенадцать дней. Если все дело в стимуляции... Чего тебе, Арчи?

Я протянул Хорстману карточки:

— Вот данные по мильтонии и ликасте. Даты прорастания у вас уже есть. Между прочим, внизу сидит некая чужестранка, желающая позаимствовать у вас книгу. Ей примерно двадцать два года, и у нее чудесные ножки. Лицо хотя и угрюмое, но вполне смазливое, глаза красивые и темные, но встревоженные. Да, еще у нее прекрасный голос, но говорит она прямо как Линн Фонтэнн вроде бы в «Восторге идиота». Тютелька в тютельку. Зовут ее Карла Ловчен.

Вулф взял у Хорстмана карточки, собираясь их просмотреть, но вдруг встрепенулся и бросил на меня острый взгляд.

— Как ты сказал? — резко спросил он. — Карла?..

— Ловчен. — Я произнес фамилию по буквам и ухмыльнулся. — Я вас понимаю, меня это тоже сразу поразило. Может, вы помните, что я читал «Возвращение на родину». Похоже, ее называли в честь горы. Черная гора. Гора Ловчен. Черногория. Монтенегро, венецианский вариант Монтенеро, горы Нерона, а ведь вас по большому счету тоже должны звать Нерон¹. Возможно, это просто совпадение, но для такого опытного сыщика, как я, не составило труда...

— Что ей нужно?

— Говорит, пришла поговорить с вами, но, по моему, просто хочет позаимствовать у вас книгу. Она достала с полки «Объединенную Югославию» Хендерсона и спросила, читаете ли вы ее и не «стадируете» ли и не читаю ли ее я и так далее. А сейчас она сидит в кабинете, уткнувшись в книгу своим хорошеньким носиком. Только вот глаза у нее слишком обеспокоенные. Меня так и подмывало сказать ей, что ваш банковский счет в полном порядке и вы вряд ли согласитесь взяться... — Я запнулся.

Вулф не слушал меня, притворившись, будто усиленно изучает принесенные мной карточки. Чистое ребячество, ведь до одиннадцати оставалось всего ничего, каких-то три минуты, а ровно в этот час Вулф неукоснительно спускался из оранжереи в рабочий кабинет. Поэтому я неодобрительно фыркнул, отвернулся и устремился в обратный путь.

Чужестранка по-прежнему читала, сидя в кресле, но уже не книгу, а журнал. Я поискал глазами книгу, желая водворить ее на место, но, оказывается, Карла Ловчен меня опередила. Томик стоял там, где и рань-

---

¹ Имя Вулфа в переводе с английского означает Нерон. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ше. Я мысленно похвалил девушку: в наши дни подобную аккуратность встретишь не часто. Я сказал ей, что Вулф вот-вот спустится, и не успел расчистить письменный стол и водрузить на него пишущую машинку, как услышал клацанье двери личного лифта моего шефа, а мгновение спустя сам Вулф вошел в кабинет и грузно протопал прямо к своему рабочему столу. Не дойдя до него какого-нибудь шага, Вулф попридержал свой аллюр и соизволил заметить посетительницу, поприветствовав ее еле заметным кивком, при этом его голова нагнулась от силы на один градус. Затем Вулф добрался до своего кресла, взгромоздился на него, бросил взгляд на вазу с каттлеями, а затем на утреннюю почту, лежащую под пресс-папье у него на столе, надавил большим пальцем на звонок, чтобы Фриц принес пива, и, откинувшись в кресле поудобнее, вздохнул. Девушка тем временем закрыла журнал, лежащий у нее на коленях, и пристально разглядывала Вулфа сквозь длинные полуопущенные ресницы.

— Ловчен, говорите? — отрывисто бросил Вулф. — Это не ваша фамилия. Таких фамилий нет.

Ее ресницы чуть дрогнули.

— Я сама ее выбрала, — слегка улыбнувшись, ответила девушка. — Так мне удобнее. Сами посудите, стоит ли раздражать американцев фамилией вроде Крайевич?

— Так ваша фамилия Крайевич?

— Нет.

— Впрочем, это не имеет значения. — По какой-то непонятной для меня причине Вулф казался раздосадованным. — Вы пришли, чтобы повидаться со мной?

Мисс Ловчен негромко рассмеялась:

— Вы говорите прямо как монтегнец. Или черногорец, если вам, как и всем американцам, больше

нравится такое название. Правда, вы не очень похожи на жителя Черногории, ведь наши люди растут больше вверх, а не вширь, как вы. Зато, когда вы говорите, я чувствую себя как дома. Именно так черногорцы и обращаются к девушке. Это из-за того, чем вы питаетесь?

Я отвернулся, пряча ухмылку, а Вулф прогромыхал:

— Чем я могу вам помочь, мисс Ловчен?

— Ах да. — В ее глазах опять отразилась тревога. — Стоило мне вас увидеть, как я забыла все на свете. Я, конечно, наслышана о вас, только вы совсем не похожи на знаменитость. Вы больше похожи на... — Она замаялась, потом сложила губки бантиком и продолжила: — Ну, все равно, просто вы очень известны и когда-то жили в Черногории. Как видите, я немало знаю о вас, Hvala Bogu. Так вот, я хочу нанять вас из-за одной крупной неприятности.

— К сожалению, я не...

— Это вовсе не у меня неприятности, — быстро пояснила девушка. — Дело касается моей подруги, которая не так давно приехала в Америку. Ее зовут Нея Тормич. — Длинные черные ресницы затрепетали. — А я Карла Ловчен. Мы вместе работаем в школе Николы Милтана на Сорок восьмой улице. Может, знаете? Школа танцев и фехтования. Не слышали?

— Мы встречались с Милтаном, — ворчливо ответил Вулф. — За столом у моего друга Марко Вукчича. Но боюсь, в настоящее время я слишком занят...

Девушка даже бровью не повела.

— Мы с Неей хорошие фехтовальщицы, — затараторила она. — Фехтовать мы учились в Загребе у самого Корсини — на рапирах, саблях и шпагах. Ну а уж

танцы — это совсем просто. Ламбет-уок мы освоили минут за двадцать, а богачей обучаем ему уже за пять уроков, причем за вполне приличную плату. Правда, расплачиваются они с Николой Милтаном, а нам переппадают уже какие-то крохи. Поэтому сейчас, когда Нея влипла в эту дурацкую историю, мы не можем себе позволить заплатить вам так же много, как некоторые другие. Хотя кое-что заплатим. К тому же мы ведь как-никак из Загреба. Так вот, беда, в которую попала Нея, нешуточная, хотя Нея совершенно ни в чем не виновата, она ведь не какая-нибудь воровка, как думают эти простофили-американцы. Но ее могут посадить в тюрьму, так что, пжалста, поторопитесь...

Вулф скривился, всем своим видом показывая, как ему, при его стойком отвращении к работе, невыносимы подобные уговоры, да еще когда счет в банке исчисляется пятизначной цифрой. Пытаясь остановить поток слов посетительницы, он заговорил увещевающим тоном:

— К сожалению, я сейчас слишком занят...

Карла Ловчен пропустила его слова мимо ушей:

— Я пришла к вам вместо Неи, потому что у нее сегодня очень ответственный урок, а нам с ней во что бы то ни стало необходимо сохранить эту работу. Но конечно, вам нужно встретиться с ней самой, поэтому вы должны отправиться в школу Милтана. Он как раз назначил сегодня общую встречу, чтобы разобраться со случившимся. Ведь большей нелепицы и вообразить нельзя: заподозрить Нею, что она способна залезть кому-то в карман и украсть бриллианты! Но мне даже страшно подумать, если все закончится тем, что предрекает Милтан... Если бриллианты не возвратят... Впрочем, постойте, я же должна вам рассказать...

Я разинул рот от изумления. Обычно, проведя два часа на ногах в оранжерее, Вулф спускается в одиннадцатый утра в кабинет, устраивается в кресле за столом и, благосклонно прислушиваясь к моим мелким колкостям, воздает должное свежему пиву. Сдвинуть его с места в это время можно с таким же успехом, как десятитонный валун. И вдруг у меня на глазах он приподнялся... И — встал! С неясным бормотанием, которое можно было принять и за извинения, и за проклятия, не взглянув ни на посетительницу, ни на меня, он прошествовал вон из кабинета через дверь, ведущую в прихожую. Мы только проводили его взглядом, после чего Карла Ловчен повернулась ко мне. Я заметил, что глаза ее широко раскрыты.

— Он что, заболел? — резко спросила она.

Я покачал головой и пояснил:

— Вулф чудаковат. Вполне типичная для него выходка, хотя со стороны может и впрямь показаться, что он нездоров. Впрочем, его недуг не имеет ничего общего с сотрясением мозга или, скажем, с коклюшем. Однажды, когда в том кресле, где вы сейчас сидите, расположился один весьма уважаемый юрист... Что, Фриц?

Дверь, которую захлопнул за собой Вулф, открылась снова, и на пороге возник Фриц Бреннер. Судя по его лицу, он был сбит с толку.

— Пожалуйста, Арчи, загляни на минутку в кухню.

Я поднялся и, извинившись, вышел. В кухне на большом, покрытом клеенкой столе лежали заготовленные к ланчу продукты, однако Ниро Вулф торчал там, обуреваемый отнюдь не внезапно вспыхнувшим любопытством к приготовлению пищи. Он монументально возвышался за холодильником, с лицом, описать которое я не берусь.

— Выпроводи ее! — проревел он, едва я переступил порог кухни.

— О господи! — Честно говоря, я и сам слегка раскипятился. — Она ведь пообещала, что кое-что заплатит. Перед такими словами и аллигатор оттаял бы! Если вы по ее глазам прочли, что ее подруга Нея и в самом деле стибрила те стекляшки, то могли бы, по крайней мере...

— Арчи! — Настолько взбешенным я видел Вулфа едва ли не впервые. — Лишь единожды в жизни мне пришлось улепетывать со всех ног — между прочим, от дамы, причем именно из Черногории. Это случилось много лет назад, но до сих пор каждая клеточка в моем теле помнит этот кошмар как наяву. Я просто не в состоянии описать, какие чувства охватили меня в ту минуту, когда эта черногорка нежным голосом проблеяла: «Hvala Bogu». Выставь ее!

— Но ведь она не...

— Арчи!

Я понял, что препираться с Вулфом безнадежно, хотя понятия не имел, на самом деле он настолько перетрусил или просто юродствует. Я плюнул на все и, вернувшись в кабинет, остановился перед девушкой:

— Мистер Вулф очень сожалеет, но он не сможет помочь вашей подруге. Он слишком занят.

Карла Ловчен слегка откинула голову и недоуменно уставилась на меня. Дыхание ее участилось, а рот приоткрылся.

— Как — не сможет? — пролепетала она. — Нет, он должен!

Она вскочила, и я отступил на шаг под ее сверкающим взглядом.

— Мы же из Черногории! Нея... моя подруга... она... — Негодование просто душило ее.

— Решение окончательно и обжалованию не подлежит, — бесцеремонно оборвал ее я. — Он не хочет браться за ваше дело. Иногда мне удается его переубедить, но всему бывает предел. Кстати, что означает «Hvala Bogu»?

Она недоуменно посмотрела на меня:

— Это значит «Слава Богу». Если я его не увижу, передайте ему..

— Не стоило вам произносить эти слова. Когда черногорка говорит по-черногорски, он с ног до головы покрывается мурашками. Нечто вроде аллергии. Простите, мисс Ловчен, но у вас ничего не получится. Я его знаю от «А» до «У» как облупленного. «У» для него — последняя буква алфавита. Она означает «упрямый как осел».

— Но он... Мне необходимо повидаться с ним, скажите ему..

Упрямства девушке оказалось не занимать. Битых пять минут я уговаривал ее уйти. Мне вовсе не улыбалось прослыть грубияном, ведь если не считать немислимого произношения, резавшего мой тонкий слух, то ничего против черногорских барышень я не имел. Наконец я закрыл за ней дверь и, вернувшись в кухню, язвительно провозгласил:

— Думаю, опасность почти миновала. Следуйте за мной не отставая, но, если я вдруг заору благим матом, бегите, словно за вами черти гонятся.

Раздавшийся в ответ грозный рык напомнил мне, на какую опасную стезю я ступил, поэтому пару минут спустя, когда Вулф вернулся в кабинет и вновь воцарился в своем кресле, я даже словом не обмолвился, чтобы отстоять свою точку зрения. Вулф молча пил пиво и ковырялся в стопке каталогов, а я проверял накладные от Хёна и делал еще кое-какую привычную

работу. Чуть позже, когда Вулф попросил меня приоткрыть окно, я понял, что скандалист уже немножко поостыл.

Напрасно мы — или кто-то из нас — думали, что на сегодня с Балканами покончено. После одиннадцати часов, когда я нахожусь вместе с Вулфом в кабинете, входную дверь посетителям обычно открывает Фриц. Примерно в половине первого он вошел в кабинет и, сделав положенные три шага, объявил о приходе посетителя, который назвался Шталем, а насчет рода своих занятий сказал лишь, что служит в Федеральном бюро расследований.

Я тихонько присвистнул и уважительно произнес:
— Ого!

Вулф слегка приоткрыл глаза и кивнул — сигнал Фрицу впустить посетителя.

По роду своей деятельности нам еще не приходилось сталкиваться с агентом ФБР, и когда тот вошел, я удостоил его высочайшей чести, развернув свой стул на целых сто восемьдесят градусов. Вошедший был субъект как субъект, невысокий, широкоплечий, с умными живыми глазами; пожалуй, только подбородок его немного подкачал, да и ботинки не мешало бы вычистить. Он еще раз представился, пожал руки мне и Вулфу, вынул из кармана кожаный бумажник, небрежно открыл его и улыбнулся Вулфу сдержанно, но дружелюбно.

— Вот, пожалуйста, мое удостоверение, — произнес он хорошо поставленным голосом.

Он вообще отличался прекрасными манерами, словно благовоспитанный страховой агент. Вулф мельком взглянул на удостоверение, кивнул и указал на кресло:

— Чему обязан, сэр?

Казалось, вид у Фэбээровца был извиняющийся.

— Простите за беспокойство, мистер Вулф, но служба есть служба. Я хотел бы спросить у вас, знакомы ли вы с федеральным законом, недавно вошедшим в силу, согласно которому лица, представляющие интересы каких-либо зарубежных ведомств, должны регистрироваться в Госдепартаменте?

— Да, знаком, хотя и не слишком близко. Я знаю о нем из газет, прочитал не так давно.

— Значит, вам известна его суть?

— Да.

— Вы зарегистрировались, как там сказано?

— Нет. Я же не агент какого-либо зарубежного ведомства.

Фэбээровец закинул ногу на ногу.

— Закон действует по отношению к представителям любых иностранных фирм, частных лиц и организаций, а также зарубежных правительств.

— Именно так я и понял.

— Он применим как к приезжим, так и к гражданам США. Вы гражданин Соединенных Штатов?

— Да. Я здесь родился.

— Вы состояли какое-то время на службе у австрийского правительства?

— Да, очень короткое время, еще в юности. Но тогда я жил не здесь, а за границей. Впрочем, я уволился довольно быстро.

— И служили в черногорской армии?

— Да, но несколько позже, хотя тоже еще в юности. В те дни я свято верил, что всех жестоких и злых людей следует убивать, и даже умертвил нескольких сам. Тогда, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, я, между прочим, чуть не умер от голода.